

Годъ изданія седьмой.

АВГУСТЪ.

№ 19.

1914.

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

СОДЕРЖАНІЕ:

ПЕРСИДСКАЯ СИРЕНЬ (сказка).
ТИХІЙ ВЕЧЕРЪ (стих.).
ДОЛГОНОСИКЪ.
ВЕЧЕРНІЕ МОТИВЫ (стих.).
ВЪ СТАРОЙ УСАДЬБѢ (повѣсть).
ГОЛОВОЛОМКИ.
РЕБУСЪ и проч.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

Вагонъ трамвая (для склеиванія).
Выкройка брюкъ для мальчика.

STANDARD BOOK CO.

NEW YORK

1914
THE
STANDARD BOOK CO.
NEW YORK

Золотое Дѣтство.

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

3 р. 80 к.

Продолжается подписка
на художественно-литературный журналъ для дѣтей
(7—12 ЛѢТЪ)
„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“.

3 р. 80

Выходить ДВА РАЗА въ мѣс. При каждомъ номерѣ приложенія. На годъ съ доставкой и пересылкой 3 р. 80

Въ сумерки.

СКАЗКИ О ЦВѢТАХЪ.

3. Персидская Сирень.

Домикъ Гефиза былъ совѣмъ маленькій. Густая живая изгородь отдѣляла его отъ дороги и нѣсколько деревьевъ давали тѣнь. Крыша на домикъ по восточному обычаю была плоская и во всемъ домикъ были только два окна и дверь. Мебель была самая простая. Да Гефизъ и не гнался за роскошью. Онъ не любилъ ея.

— Самая высшая красота, говорилъ онъ,—это сама природа.

При этомъ онъ показывалъ на роскошные гроздья персидской сирени, которая росла вокругъ его жилища. Это была сирень, которая цвѣла цѣлый годъ и издавала такой ароматъ, равнаго которому не было нигдѣ на свѣтѣ. Онъ самъ ухаживалъ за своей сиренью, самъ ее сажалъ и разводилъ и такъ ее любилъ, что называлъ своими радостью и богатствомъ.

Гефизъ былъ поэтъ. Онъ сочинялъ стихи, которые, какъ сладчайшій медъ, тонкой струйкой вливались въ сердца слушателей. Слава о немъ распространилась по всей Персіи, Индіи и Афгани-

стану. Кто-бы ни были его читатели старый или молодой, бѣдный или богатый—все они наперерывъ старались заучивать его стихи и повторяли ихъ своимъ дѣтямъ. Но больше всѣхъ увлекался стихами Гефиза великій повелитель Индіи шахъ-Бабуръ. Онъ былъ жестокъ и наводилъ ужасъ на цѣлые полъ-міра; во время походовъ онъ разорялъ цѣлыя страны и предавалъ огню и мечу цѣлые города. Его трепетали все его подданные и отъ одного только его имени дрожали матери и плакали дѣти. Но при всей своей жестокости Бабуръ любилъ стихи Гефиза и приказывалъ ихъ себѣ читать. Душа его тогда смягчалась и этотъ страшный человекъ, который оставлялъ позади себя все въ пепелъ и въ развалинахъ и не щадилъ никого, смирялся и начиналъ плакать отъ умиленія.

— О, если-бы мнѣ хоть разъ удалось увидеть Гефиза! восклицалъ онъ.

Но Гефизъ отличался скромностью и простотой, почти никогда

не выходилъ изъ своего сада и былъ совершенно равнодушенъ ко всѣмъ похваламъ и слухамъ, которые до него долетали. Онъ былъ такъ-же простъ, какъ и его помикъ въ окрестностяхъ Испани, и только его сирень наполняла его душу радостью и онъ гордился ей, но только передъ самимъ собой.

— Цвѣты — это лучшее созданіе Бога! говорилъ онъ. — Они даны для радости и счастья людей. Тотъ, кто любитъ цвѣты и дѣтей — мягокъ сердцемъ и кротокъ душой.

И онъ восхищался цвѣтами, никогда ихъ не рвалъ и ему всегда казалось, что имъ было-бы больно такъ-же, какъ и человѣку, и что такое прекрасное произведеніе Творца, какъ цвѣтокъ, не можетъ не чувствовать и не жить.

Въ восторгѣ отъ своей сирени, онъ скрестилъ руки на груди и сталъ сочинять стихи:

„О, человѣкъ, оставь цвѣтокъ расти на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ родился и живетъ! Когда ты срываешь его, то онъ умираетъ такъ-же, какъ и ты, теряя свои ароматы и красоту. Оставь же сирень цвѣсти. Сорвавши ее, сможешь-ли ты возвратитъ ей снова ея прежніе прелесть и ароматы? Неужели ты срываешь ее только для того, чтобы она, стоя у тебя въ стаканѣ, въ водѣ, потеряла то, что далъ ей Богъ? Оставь-же ее расти! Вѣдь міръ прекрасенъ только солнцемъ, цвѣтами и дѣтьми. И если ты не

сорвешь сирень, если ты оставишь ее на стеблѣ, то ты будешь мудрецъ, ибо мудрый не разрушаетъ красоты. Если-же ты сорвешь ее, то я воскликну въ горѣ: „О, жестокія руки, вы лишили землю красоты!“ Оставь-же сирень цвѣсти тамъ, гдѣ она растетъ!“

Онъ говорилъ эти стихи и вдругъ около него послышались чьи-то шаги. Въ удивленіи онъ обернулся и увидѣлъ, что въ кустахъ что-то мелькнуло. Онъ спрятался и сталъ наблюдать. Маленькая дѣвочка, лѣтъ девяти, стояла около одного изъ самыхъ лучшихъ кустовъ сирени, торопливо срывала съ него самые пышные цвѣты и клала ихъ къ себѣ въ корзину.

Она была изящна и нѣжна, но была одѣта въ лохмотья и ноги у нея были босы. Всѣ ея движенія были быстры, красивы и увѣренны. Въ какія-нибудь пять минутъ она набрала цѣлую корзину самыхъ лучшихъ, распутившихся цвѣтовъ сирени и, какъ волшебное видѣніе, едва касаясь ножками земли, скрылась изъ садика.

Удивленію и негодованію Гефи за не было границъ. Въ первую минуту онъ не могъ даже вскрикнуть. Онъ подошелъ къ своей сирени и посмотрѣлъ на нее такими глазами, точно потерялъ въ ней своего лучшаго друга.

— Жалкая, маленькая воровка! проворчалъ онъ и пошелъ къ себѣ въ комнату.

Ожидая, что къ нему опять придетъ его маленькая незнакомка, онъ поднялся съ зарей и съ ранняго утра уже былъ насторожѣ. Какъ и вчера, она дѣйствительно пришла съ еще большей корзиной и, какъ наканунѣ, наполнила ее пышной, ароматной сиренью и опять быстро убѣжала.

— На что ей понадобилась эта сирень? подумалъ Гефизъ.—Зачѣмъ она такъ безжалостно обкрадываетъ меня? Куда она ее дѣваетъ? Неужели она дѣлаетъ это для своей забавы? Надо за ней послѣдить...

И, держась отъ нея на почти-тельномъ разстояніи, чтобы она не замѣтила, что онъ за нею слѣдитъ, онъ шагъ за шагомъ послѣдовалъ за нею.

Она направилась прямо къ Испани. Дойдя до городскихъ стѣнъ, она вошла въ ворота и по узкимъ кривымъ улицамъ, побѣжала прямо на базаръ.

— Цвѣты! цвѣты! закричала она.—Кому нужно цвѣтовъ? Хорошо пахнутъ! Дешево продаю!

На базарѣ было шумно и людно. Толкались персы и сарты въ высокихъ барашковыхъ шапкахъ, проходили знатныя дамы подъ густыми вуалями, изъ-за которыхъ виднѣлись дорогіе браслеты и ожерелья. Предлагали свои лакомства мелкіе торговцы. Цирюльники брили и стригли прямо на воздухъ подъ палящими лучами

солнца. Выждавъ, когда самая богатая персіанка проходила мимо, дѣвочка дернула ее за фату и сказала:—

— Эта душистая сирень такъ же прекрасна, какъ и вы.—Купите у меня ее!

Дама взяла отъ нея сирень, заплатила ей деньги и ушла. Дѣвочка, повидимому, не ожидала такой щедрой платы: обрадовалась и сжала золотую монету въ кулачкѣ. Гефизъ подошелъ къ ней поближе и смѣшался съ толпой.

„Интересно прослѣдить“, подумалъ онъ,—„что она теперь будетъ дѣлать съ этими деньгами?“

Дѣвочка подошла къ торговкѣ, купила у нея простенькую женскую одежду, потомъ побѣжала въ одну изъ лавокъ, прибрѣла тамъ хлѣба, сыру и варенаго мяса, вышла изъ нея, купила у разносчика фруктовъ и сластей и все это сложила къ себѣ въ корзину.

— Эге! проворчалъ Гефизъ.— Да она не любитъ себѣ отказывать ни въ чемъ!

И онъ послѣдовалъ за нею далѣе.

Она побѣжала по узенькой улицѣ въ самую глубину города, остановилась тамъ передъ полуразвалившейся жалкой хижинкой и постучалась въ дверь. Ей отворили. Она вошла, Гефизъ остался одинъ.

„Неужели это воровской притонъ?“ подумалъ онъ.—„Что, если эта дѣвочка настоящая воровка?“

Онъ отыскалъ въ стѣнѣ щелку и сталъ въ нее глядѣть. Эта была жалкая берлога, въ которой не было совершенно никакой мебели. Въ углу, на старой, слегшейся рисовой соломѣ лежала такая худая женщина, что видны были всѣ ея кости. Она была одѣта въ рубище и только повторяла:— „Хлѣба, хлѣба! Я не ѣла уже давно!.. Я хочу ѣсть!.. Дайте мнѣ хлѣба!“

Гефизъ понялъ тогда, что въ этой хижинѣ царствовалъ голодъ.

Дѣвочка подошла къ женщинѣ и поставила передъ ней корзину.

— Кушай, милая!.. сказала она ей ласковымъ голоскомъ.—Я принесла все это тебѣ! Вотъ хлѣбъ, вотъ сыръ, вотъ вареное мясо! Какъ оно вкусно пахнетъ! Ъшь досыта! Возстанови свои силы! А потомъ, когда ты утолишь свой голодъ, я надѣну на тебя вотъ это платье...

Гефизъ слышалъ эти ея слова, видѣлъ, съ какою жадностью женщина утоляла свой голодъ, и ему стало вдругъ стыдно, что онъ самъ былъ сытъ, имѣлъ свой собственный домъ и садъ и въ немъ великолѣпные душистые цвѣты сирени, которые пожалѣлъ, когда ихъ срывала дѣвочка. И выждавъ когда дѣвочка вышла изъ берлоги, онъ остановилъ ее и потрепалъ ее по щекамъ.

— Это твоя мать? ласково спросилъ онъ.

— Нѣтъ, это совсѣмъ чужая женщина! весело отвѣчала дѣвочка.—Я совсѣмъ не знаю, кто она такая. Я встрѣтила ее только третьяго дня, когда она попросила у меня милостыню,..

— И ты ей подала?

— Нѣтъ, господинъ, гдѣ-же мнѣ взять? Я самая бѣдная изъ всѣхъ бѣдныхъ! Я верчу на колодцѣ колесо и получаю за это по куску хлѣба въ день.

— А гдѣ-же твои родители?

— Ихъ у меня нѣтъ. Я сирота.

— Гдѣ-же ты достала столько денегъ, что могла такъ щедро помочь этой женщинѣ?

Она опустила глаза, смутилась и покраснѣла.

— Я... я... залепетала она.— О, не спрашивайте меня объ этомъ, господинъ! Мнѣ такъ совѣстно объ этомъ сказать!

— Говори, говори, не бойся! ободрилъ онъ ее.

— Я крада эти цвѣты у одного человѣка за городомъ. Это такъ не хорошо дѣлать! Но я не могла видѣть страданій этой женщины и рѣшила. Если-бы я не сдѣлала этого, то она умерла-бы съ голода. Ахъ, какъ мнѣ стыдно, какъ я боюсь теперь глядѣть людямъ въ глаза! Какъ-бы мнѣ хотѣлось теперь, чтобы обо всемъ зналъ владѣлецъ этой сирени! Быть можетъ, онъ выслушалъ-бы меня и простилъ.

Она стала горько плакать.

— Я владѣлецъ этой сирени, сказалъ Гефизъ и взялъ ее за руку.

Она хотѣла-было вырваться и убѣжать отъ него, но онъ еще ближе притянулъ ее къ себѣ и сталъ ее ласкать.

— Не бойся, сказалъ онъ.—Ты хорошая дѣвочка и я не разстанусь съ тобой уже больше никогда. Ты будешь для меня, какъ родная дочь. Но какъ тебя зовутъ?

Она не вѣрила своимъ ушамъ.

— Фатима! радостно воскликнула она.—Но если я буду вашей дочерью, то вы позволите мнѣ помогать этой бѣдной женщинѣ?

— Объ ней я позабочусь самъ, отвѣтилъ онъ.

И онъ повелъ ее къ себѣ домой. Онъ поручилъ ей свой домикъ, свой садъ, она заботилась о своемъ приѣмномъ отцѣ, ухаживала за его цвѣтами, онъ съ своей стороны полюбилъ ее, какъ родную дочь, и окружилъ ее заботами, какъ настоящей отецъ. Онъ разговаривалъ съ ней, какъ съ большой, любилъ, когда она смѣялась, и часто читалъ ей свои стихи. Она любила ихъ и заучивала изъ наизусть.

Такъ прошелъ годъ.

Затѣмъ по всей Персіи распространилась страшная вѣсть. Изъ далекой Индіи шель походомъ самъ великій шахъ Бабуръ. Онъ уже опустошилъ Гератъ и Афганистанъ и съ ордами дикихъ азіатовъ вступилъ наконецъ и въ

Персію. Всѣ ужаснулись. Не прошло и мѣсяца, какъ онъ уже поступилъ къ прекрасному городу Испагани, изъ котораго рѣшили сдѣлать то-же, что и съ сотнями другихъ городовъ: превратить ее въ кучу пепла и развалинъ. О сопротивленіи Бабуру нечего было и думать, такъ какъ великій шахъ былъ непобѣдимъ. Въ одно утро онъ явился надъ стѣнами Испагани и ея испуганнымъ жителямъ не оставалось больше ничего, какъ выйти къ нему на встрѣчу и умолять о пощаду.

— О, пощади, пощади насъ, великій повелитель Востока!.. восклицали они и падали передъ нимъ ницъ.—Отнынѣ ты будешь нашимъ владыкой и мы будемъ платить тебѣ дань и будемъ покорны тебѣ, какъ рабы. Но пощади наши храмы и дома! Не предавай нашей Испагани огню и мечу!

Но Бабуръ оставался непреклоненъ.

— Обращайтесь съ этими просьбами къ камню, а не ко мнѣ! грозно отвѣтилъ онъ и ударялъ своимъ мечомъ о землю.—Быть можетъ, онъ послушаетъ васъ лучше, чѣмъ я!..

И онъ уже обернулся назадъ, чтобы приказать своимъ войскамъ начать поджигать городъ и грабить его, какъ вдругъ передъ нимъ появилась маленькая дѣвочка и нѣжнымъ, трогательнымъ голосомъ

стала говорить стихи своего при-
емнаго отца Гефиза.

... „О, человѣкъ, оставь цвѣтокъ
расти на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ ро-
дился и живетъ! Когда ты срыва-
ешь его, то онъ умираетъ такъ-
же, какъ и ты, теряя свои арома-
ты и красоту. Оставь-же сирень
цвѣсти! Сорвавши ее, сможешь-ли
ты возвратить ей снова ея пре-
жніе прелесть и ароматъ? Неужели
ты сорвешь ее только для того,
чтобы она потеряла то, что далъ
ей Господь? Оставь-же ее расти!
Вѣдь міръ прекрасенъ только
солнцемъ, цвѣтами и дѣтьми. И
если ты не сорвешь цвѣтокъ, если
ты оставишь его на стеблѣ, то ты
будешь мудрецъ, ибо мудрый не
разрушаетъ красоты. Если же ты
сорвешь его, то я въ горѣ вос-
кликну:—„О, жестокія руки, вы
лишили землю красоты!“ Оставь-
же сирень цвѣсти тамъ, гдѣ она
растетъ!“.

Великій Бабуръ задумался. Глу-
бокій вздохъ вырвался изъ его гру-
ди. Всѣ кругомъ молчали.

— Чьи это стихи? спросилъ
онъ наконецъ.

— Вотъ этого человѣка, смѣло
отвѣтила Фатима и указала на
стоявшаго рядомъ съ ней Гефиза.

— Что это за человѣкъ?

— Это Гефизъ...

Лицо Бабура просіяло. Онъ
протянулъ къ поэту руку и подо-
звалъ его къ себѣ.

— Эти твои стихи, сказалъ онъ,—
растрогали меня до слезъ. — Я
давно уже слыхалъ о тебѣ и мно-
гія изъ твоихъ стихотвореній знаю
наизусть. Но тотъ совѣтъ, кото-
рый дала мнѣ твоя дочь, не мо-
жетъ относиться ко мнѣ, такъ какъ
я не изъ тѣхъ людей, которые
срываютъ сирень для своего удо-
вольствія.

Тогда Гефизъ указалъ ему на пре-
красный городъ Испагань.

— Великій повелитель, сказалъ
онъ.—Вспомни, что этотъ городъ
лучше и дороже, чѣмъ персид-
ская сирень. Оставь его тамъ, гдѣ
онъ выросъ и живетъ!

Бабуръ подумалъ, потомъ свер-
кнулъ очами и послѣ долгаго раз-
думья обратился къ своимъ вой-
скамъ.

— Подите отсюда назадъ! ско-
мандовалъ онъ. — Этотъ городъ
останется неприкосновеннымъ!

И, подозревая къ себѣ Фатиму
и ея приемнаго отца, онъ разспро-
силъ ихъ обо всемъ, щедро сда-
рилъ ихъ и громко сказалъ:

— Отнынѣ ты будешь назы-
ваться не Фатимой, а Персидской
сиренью. И пусть всякій, кто бу-
детъ обонять запахъ этого цвѣт-
ка, вспоминаетъ о красотѣ и объ
ароматѣ твоей души!

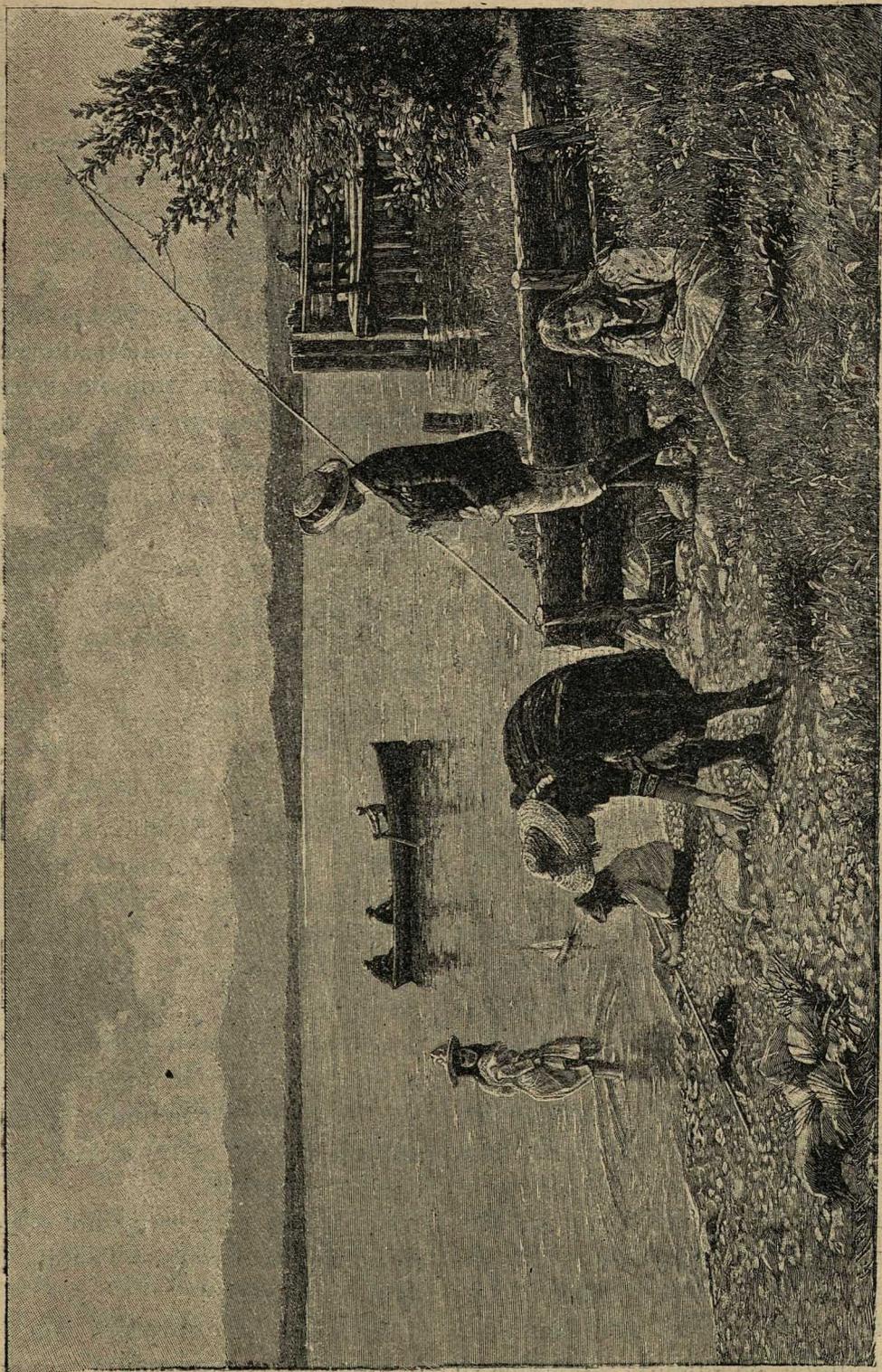
И, прищпоривъ коня, онъ по-
мчался вслѣдъ за своими отсту-
павшими войсками.

Съ англійскаго М. П.

Пароходъ въ опасности.

На дачѣ.

ТИХІЙ ВЕЧЕРЪ.

Ужъ солнце сѣло... На болотѣ
Кричитъ безсонный коростель
И все кругомъ стоитъ въ дремотѣ,
И смолкой сильно пахнетъ ель.

Жужжатъ жуки, скрипятъ козявки
И тонко комары зудятъ
И отъ росистой, сочной травки
Струится нѣжный ароматъ.

Спустилась ночь... Заснула нива,
Туманъ поднялся надъ рѣкой;
Роса ниспала и крапива
Поникла сонной головой.

Камышъ у рѣчки дремлетъ чутко,
Въ пшеницѣ перепелъ кричитъ...
Засни-жь и ты, моя малютка,
И пусть Господь тебя хранить!

М.

ДОЛГОНОСИКЪ.

(Разсказъ вальдшнепа).

Я—вальдшнепъ, но тотъ чело-
вѣкъ у котораго я жилъ, прозвалъ
меня за мой длинный носъ Дол-
гоносикомъ. Я родился въ Россіи,
въ одной изъ сѣверныхъ губер-
ній, въ большомъ лѣсу. Но вооб-
ще мы распространены по всей
Европѣ, хотя болѣе всего любимъ
прекрасную, просторную Россію и
Сибирскіе лѣса. Главное—что для
насъ необходимо,—это полное лѣс-
ное спокойствіе и подходящая
почва въ лѣсу, состоящая изъ
мягкаго травянистаго перегноя и
влаги. Нашими длинными носами
мы любимъ просверливать въ та-
кой влажной, мягкой почвѣ ды-
рочки и ловить въ ней разныхъ
личинокъ и червяковъ. Сосновыхъ
лѣсовъ, выросшихъ на пескѣ, мы

не любимъ. Въ нихъ для насъ—
сухо.

Я помню, какъ я въ первый
разъ увидѣлъ Божій свѣтъ. Наше
гнѣздо было устроено прямо на
землѣ, въ вырытомъ нашей ма-
терью углубленіи, и было устлано
сухими листьями и мхомъ. Тутъ-же
валялись скорлупки отъ яицъ изъ
которыхъ вышли я и мои брать
и двѣ сестры. Скорлупки эти бы-
ли желтовато-грязнаго цвѣта съ
коричневыми крапинками. Я былъ
самый младшій.

— Ну, вотъ и отлично! восклик-
нулъ нашъ отецъ.—Теперь намъ
будетъ веселѣе!

А мать посмотрѣла на насъ
большими, круглыми, черными
глазами и припла въ восторгъ.

— Какіе красавчики! воскликнула она.—Посмотри, какая у нихъ окраска! Я увѣрена, что когда они вырастутъ большіе, то на нихъ будутъ перья, которыя по цвѣту не отличишь отъ земли! Но какъ-же я устала! Шутка-ли сказать! Цѣлыхъ восемнадцать дней сидѣла на яйцахъ и высиживала этихъ долгоносыхъ дураковъ!

Она ласково подобрала насъ подъ себя, обогрѣла насъ и, когда мы высохли и стали пушистыми, какъ куриныя циплята, она взмахнула крыльями и улетѣла промять свои крылья.

Затѣмъ родители принялись за наше воспитаніе. Съ самаго ранняго утра и до поздняго вечера они бродили тутъ-же, неподалеку отъ гнѣзда, сверлили клювами землю и добывали изъ нея для насъ червяковъ. Часто они улетали и отъ гнѣзда, но вскорѣ-же возвращались обратно, принося намъ то мушекъ, то жирныхъ гусеницъ, то жучковъ. Мы ѣли съ аппетитомъ и росли не по днямъ, а по часамъ. Черезъ три недѣли мы уже стали выбѣгать изъ гнѣзда и когда я однажды побѣжалъ къ лужицѣ и увидѣлъ свое отраженіе въ водѣ, то я очень удивился; моя мать оказалась права: перья на мнѣ были такого цвѣта, что если-бы я спрятался на пашнѣ между двухъ комковъ земли, то меня не замѣтилъ-бы даже самый зоркій преслѣдователь.

— Это хорошо! сказалъ бывшій около меня отецъ.—Теперь ты легко убѣдишь отъ охотника и его собаки.

— А зачѣмъ я имъ нуженъ? спросилъ я въ удивленіи.

Отецъ глубоко вздохнулъ.

— Мы, вальдшнепы, отвѣтилъ онъ,— для человѣка самая лучшая дичь. Вкуснѣ насъ едва ли найдется для него другая птица!..

И, какъ нарочно, вдругъ раздался голосъ нашей матери:

— Спасайтесь! Спасайтесь! Идетъ человѣкъ и съ нимъ собака!

Мы всѣ четверо разсыпались въ разныя стороны и спрятались во мхѣ и сухой травѣ, тѣсно прижавшись тѣломъ къ землѣ. Отецъ и мать остановились около насъ и стали выжидать.

— Тише! шепнулъ намъ отецъ.— Они уже близко. Сидите смирно!

И, дѣйствительно, въ лѣсу послышался трескъ сухихъ сучьевъ подъ ногами человѣка и я увидѣлъ изъ своей засады охотника съ ружьемъ и съ нимъ желтую, лохматую собаку. Они направлялись прямо къ намъ.

Почувявъ дичь, собака сдѣлала стойку и вдругъ однимъ прыжкомъ бросилась на нашу мать. Сердце у меня замерло. Мать вспорхнула на воздухъ прямо изъ-подъ морды собаки, въ это время раздался выстрѣлъ и мать повалилась на землю.

— Мама! Мама! въ ужасѣ запищали мы.

— Молчите! крикнула она намъ.—Я нисколько не ранена! Я только притворюсь сейчасъ раненой, чтобы отвести собаку отъ васъ.

Побившись немного на травѣ и ловко увернувшись отъ собаки, она сдѣлала видъ, что ранена въ крыло, и затрепыхалась по травѣ прочь отъ насъ. Собака послѣдовала за нею. Намъ казалось, что вотъ-вотъ она схватитъ зубами нашу мать и отнесетъ ее къ хозяину. Но въ это время отецъ сдѣлалъ видъ, что у него перебила нога, и заковылялъ къ ней на выручку. Собака растерялась и не знала кого изъ нихъ схватить перваго; а они убѣгали отъ нея все дальше и дальше и когда отвели наконецъ собаку очень далеко отъ гнѣзда, то вдругъ оба вспорхнули, поднялись въ воздухъ и разлетѣлись въ разныя стороны. Собака и охотникъ остались ни съ чѣмъ.

Вечеромъ отецъ и мать сидѣли около насъ и обсуждали положеніе.

— Дѣти еще слабы, говорилъ отецъ,—они еще не умѣютъ летать. Надо-бы перенести ихъ куда-нибудь въ другое мѣсто. Здѣсь опасно!

— Ничего!.. старалась утѣшить его мать,—быть можетъ, они больше сзда уже и не заглянутъ!

Вѣдь черезъ двѣ недѣли наши дѣти будутъ уже летать!

— Нѣтъ, я боюсь! продолжалъ отецъ.—Ужъ разъ собака нашла здѣсь нашъ выводокъ, то она непременно придетъ сюда и опять. Необходимо отсюда уйти куда-нибудь подальше.

И они рѣшили переселиться всею семьею въ самую глубь лѣса.

— Ну, дѣтки, приготовляйтесь! обратился онъ къ намъ.—Скоро мы переѣдемъ на новую квартиру!

Они вспорхнули и улетѣли, строго наказавъ намъ, чтобы мы были осторожны и прижимались къ землѣ при первомъ-же подозрительномъ шорохѣ.

Они были въ отсутствіи часовъ около двухъ. Когда они возвратились, то солнце уже зашло и на низинахъ поднимался туманъ. Было свѣжо и душисто и смолистый запахъ свѣжей зелени березокъ разливался по всему лѣсу. Слышно было, какъ въ вѣтвяхъ деревьевъ и на поляхъ озимой ржи кричали птицы и, какъ гдѣ-то далеко-далеко на деревнѣ парни и дѣвушки, управившись отъ работъ, пѣли хоромъ пѣсни.

— Ну, теперь пора! сказалъ отецъ.—Мы нашли подходящее мѣсто. Давайте переселяться!

Онъ взялъ въ лапки моего старшаго братишку, мать — старшую сестренку, — и они полетѣли съ

ними на новое мѣстожителство. Я и другая моя сестра остались одни.

— Сидите смирно! крикнула намъ мать.—Сейчасъ мы прилетимъ и за вами!

Они улетѣли, мы прижались къ землѣ и даже и признака не подавали, что мы живы. Какъ вдругъ около насъ опять раздался хрустъ валежника. Я выглянулъ изъ своей засады и увидѣлъ, что это опять шелъ охотникъ и передъ нимъ бѣжала его желтая собака. Нюхая траву, она направилась прямо къ намъ. Теперь для насъ уже не было пощады. Я и сестра были одни и обмануть собаку и охотника, отвести ихъ въ другую сторону, подальше отъ насъ, теперь было некому. Собака подбѣжала близко ко мнѣ и сдѣлала надо мною стойку. Я обомлѣлъ отъ страха, не могъ двинуться и еще тѣснѣе прижался къ землѣ. Я чувствовалъ надъ собой ея дыханіе. Ужасъ овладѣлъ всѣмъ моимъ существомъ. Собака вдругъ прыгнула четырьмя своими лапами, бросилась на меня и схватила меня въ зубы.

— Мама! пискнулъ я.—Мама!

А затѣмъ все отъ страха помутилось у меня въ глазахъ.

Собака поднесла меня къ охотнику и выбросила меня изъ пасти прямо къ его ногамъ. Я упалъ и не шевелился.

— Бѣдненкій! ласково восклик-

нулъ охотникъ.—Онъ еще живой! Еще маленькій! Надо отыскать его мать! Вѣдь я вовсе не собирался разорять гнѣзда!

И отогнавъ отъ себя собаку, онъ долго ходилъ со мной по лѣсу и наконецъ сказалъ:—

—Ну, дѣлать нечего!.. Ты вѣрно сирота... Не я-ли давеча подстрѣлилъ вашу мать?.. Ахъ, какая неприятность! Какъ-же ты теперь будешь? Куда тебя дѣвать?

И, погладивъ меня слегка пальцемъ по спинѣ, онъ продолжалъ:—

— Вѣдь ты еще такъ малъ, что можешь погибнуть одинъ отъ голода. Ну, дѣлать нечего! Пойдемъ ко мнѣ!

Онъ взялъ меня съ собой и принесъ къ себѣ въ сторожку. Оказалось, что это былъ лѣсничій. Жилъ онъ одинъ, самъ себѣ варилъ ѣду и самъ убиралъ свою комнату. Для развлечения у него была ручная сорока, которая прыгала у него по избушкѣ и даже выбѣгала вслѣдъ за нимъ на дворъ. Она была очень дружна съ собакой и ѣла съ ней изъ одной чашки. Вѣроятно, ей было у него хорошо, потому что, пользуясь полнѣйшей свободой, она не улетала отъ лѣсничаго, а жила вмѣстѣ съ нимъ.

— Ну, Болтунья, вотъ тебѣ пріятель! обратился къ ней лѣсничій и посадилъ меня на столъ.—Только чуръ: не обижать! Онъ маленькій!

Онъ сдѣлалъ для меня просторную клѣтку изъ веревочной сѣтки, посадилъ меня въ нее и я сталъ жить у него.

Не могу высказать, какъ мнѣ было у него тоскливо, какъ хотѣлось на свободу, чтобы полетать по воздуху, увидеть своихъ мать и отца и узнать, что стало съ моей маленькой сестрой! Лѣсничій кормилъ меня дождевыми червями, которые мнѣ показались очень вкусными, я ихъ ѣлъ у него въ огромномъ количествѣ, и не прошло и мѣсяца, какъ я почувствовалъ себя уже взрослой, вполне окрѣпшей птицей. Я полюбилъ своего хозяина, привыкъ къ нему и онъ сталъ выпускать меня изъ клѣтки.

— Эй, Долгоносикъ! кричалъ онъ мнѣ. — Пожалуйте сюда! Не угодно ли вамъ червячка?

Я подходилъ къ нему, бралъ у него изъ рукъ червяка и сѣдалъ. И вѣроятно забавно было-бы посмотреть со стороны, какъ мы всѣ четверо обѣдали. У стола сидѣлъ нашъ хозяинъ и хлебалъ сваренные имъ самимъ щи; на плечѣ у него сидѣла сорока-Болтуня и безъ умолку трещала какія-то непонятные слова; около него стояла собака и просительно заглядывала ему въ самые глаза. А на самомъ столѣ, рядомъ съ чашкой съ гречневой кашей стоялъ я, Долгоносикъ, и запускалъ въ нее свой клювъ по самые глаза.

Стало кончаться лѣто, пошли дожди, задулъ вѣтеръ и съ печальнымъ шумомъ стали обнажаться деревья. Цѣлыми днями шумѣлъ лѣсъ и стало рано вечерѣть. Какое-то странное чувство безпокойства овладѣло вдругъ всѣмъ моимъ существомъ и меня вдругъ властно и неудержимо повлекло куда-то далеко, въ чужіе края, а куда именно,—я не зналъ и самъ. И я помню, какъ однажды я ни съ того ни съ сего слетѣлъ съ пола на окно и сталъ биться грудью о стекла, такъ что мнѣ больно было дышать.

Лѣсничій подошелъ ко мнѣ, осторожно взялъ меня въ руки и посадилъ въ клѣтку.

— Эге!.. сказалъ онъ. — Да и ты тоже собираешься къ отлету!

Онъ вышелъ и не возвращался до поздняго вечера. Утромъ онъ подошелъ ко мнѣ и сказалъ:—

— Пожалуйте, Долгоносикъ! Тяга уже началась!.. Я самъ видѣлъ вчера, какъ ваши вадьдшпепы собираются улетѣть въ теплые края! Вы получите сейчасъ свободу. Только чуръ! Не попадаться охотнику подъ ружье!

Онъ вынесъ меня на дворъ и разжалъ руки. Съ радостнымъ крикомъ я взмахнулъ крыльями и полетѣлъ. Боже мой! Неужели-же это правда? Неужели я получилъ свободу, о которой такъ тосковала моя душа? Вечеромъ, я былъ уже въ средѣ своихъ родныхъ и раз-

сказывалъ имъ о своемъ житьѣ-бытьѣ. Они слушали меня съ удивленіемъ и смотрѣли на меня своими большими, круглыми, черными глазами. А потомъ мы собрались всѣ на опушкѣ лѣса и стали готовиться къ отлету. Было холодно и непривѣтливо въ природѣ. Лѣсъ уже порѣдѣлъ, поля были уже сжаты и, не смотря на счастье свободы, было такъ грустно-грустно на душѣ. Не хотѣлось разставаться съ Россіей. А нашъ проводникъ кричалъ:—

— Пора! Пора!

Все благоприятствовало нашему отлету; свѣтила луна и дулъ встрѣчный вѣтеръ, а это все, что было намъ нужно въ нашемъ путешествіи. Въ темныя ночи и по вѣтру мы не летимъ. Въ какіе-нибудь два дня мы пролетѣли черезъ всю Россію, затѣмъ предчувствіе дурной погоды задержало насъ въ Болгаріи около Балканскихъ горъ. И оно не обмануло насъ. Мы переждали непогоду и полетѣли далѣе. Вотъ Средиземное море, вотъ уже и Аѳрика. Мы лѣтимъ вдоль ея Сѣвернаго берега и черезъ двое сутокъ остаиваемся наконецъ у опушки тропическаго лѣса. Здѣсь намъ тепло, но все для насъ чуждо и мы съ перваго же дня начинаемъ тосковать о нашей далекой родинѣ. Мимо насъ проходятъ диковинныя звѣри, надъ нами пролетаютъ прекрасныя птицы, но мы живемъ тѣсной, спло-

ченной семьей и ни на кого изъ нихъ не обращаемъ вниманія. Мы не гнѣздимся, не выводимъ на чужбинѣ птенцовъ и только все ждемъ, да ждемъ, когда наступитъ наконецъ время, когда насъ снова потянетъ на родину.

— Теперь ужъ скоро! ободряетъ насъ нашъ вожакъ.—Уже Февраль...

Мы переживаемъ въ томленіи еще одинъ мѣсяцъ и затѣмъ поднимаемся цѣлой стайкой и съ радостными криками и хрипѣнемъ летимъ на сѣверъ.

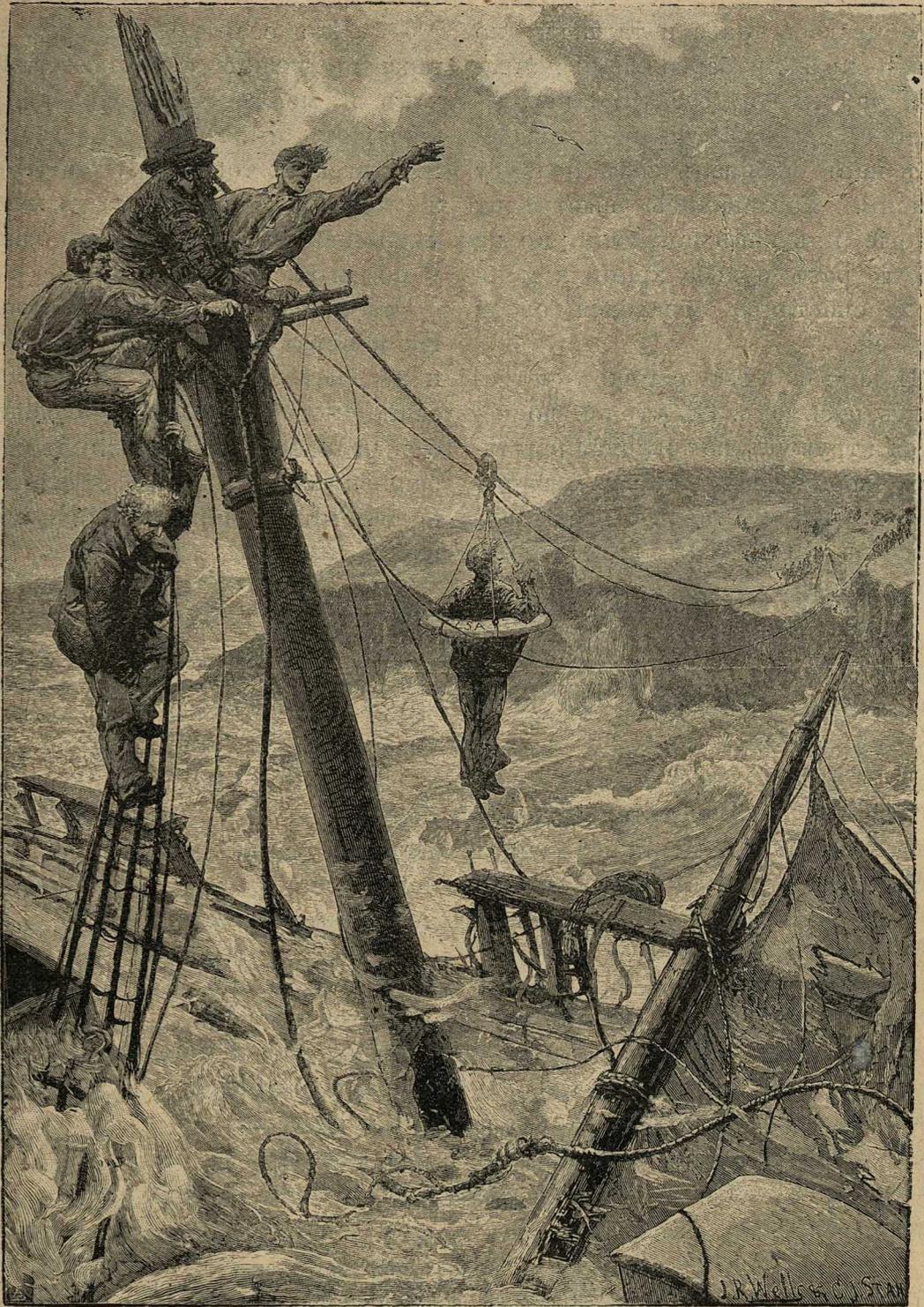
— Домой! Домой! кричимъ мы и стараемся взмахивать крыльями изъ всѣхъ силъ.

Но вотъ ужъ и Россія. Вотъ тотъ самый лѣсъ, въ которомъ я родился. Вотъ избушка лѣснаго сторожа, которому я обязанъ жизнью. Вотъ тѣ родимыя лужайки и озимыя поля, которыя такъ дороги мнѣ по воспоминаніямъ. Чуть пробивается на деревьяхъ листва и въ оврагахъ еще виднѣется уцѣлѣвшій снѣгъ. Мычитъ стадо, обрадовавшееся свободѣ, и сладко и томно звучитъ свирѣль пастуха. Какъ все здѣсь мирно и красиво своей тихой безыскусственной, скромной красотой!

Прилетѣвъ въ родныя мѣста, мы тотчасъ-же разсѣялись по разнымъ сторонамъ и каждый изъ насъ сталъ выбирать себѣ супругу. Въ тихіе, апрѣльскіе вечера, когда садилось солнце и когда сквзь опавшіе прошлогодніе листья

Вальшнепы.

Спасеніе людей съ погибшаго судна.

пробивалась трава и такъ вкусно пахло хвоей и березовыми почками, мы тихо и беззвучно перелезали съ дерева на дерево и каждый изъ насъ выбиралъ себѣ подругу жизни. Раздавались выстрѣлы, многіе изъ насъ погибали, но на этотъ разъ судьба хранила меня и я счастливо обзавелся своей семьей.

И вотъ я имѣю сейчасъ четверыхъ птенцовъ. Съ утра и до вечера я тружусь, не покладая крыльевъ, воспитываю ихъ и мнѣ кажется, что лучше ихъ нѣтъ другихъ на свѣтѣ. И я думаю только объ одномъ:—

— „Что если когонибудь изъ нихъ постигнетъ такая-же судьба, какъ и меня? Что, если и ихъ разыщеть чья-нибудь собака? Найдется-ли тогда другой такой-же добрый человекъ, какъ и мой лѣсной сторожъ, чтобы ихъ отнять у пса и воспитать?“

Эта мысль не даетъ мнѣ покоя. Но я вѣрю въ доброту человека и надѣюсь на Бога. Иначе я не селился-бы въ лѣсахъ, невдалекѣ отъ человѣческихъ жилищъ и не оживлялъ бы своимъ прилетомъ нашей милой, сѣверной задумчивой весны.

С. Вершининъ.

ВЕЧЕРНИЕ МОТИВЫ.

I.

Золотятся верхушки березы
И осинки качаются мѣрно.
Ароматомъ наполнились розы...
Скоро ночь ужъ наступитъ навѣрно!

II.

Мѣсяцъ яркій съ неба смотрится въ водѣ,
Все кругомъ въ молчаньѣ... Нѣтъ людей нигдѣ...
Лишь одинъ я въ лодкѣ здѣсь, у островка,
Слушаю, какъ липы шепчутся слегка...
Сосны и березы тоже здѣсь растутъ...
Но однако-жъ поздно! Вѣдь меня-то ждуть!

М. Визи.

ВЪ СТАРОЙ УСАДЬБѢ.

ПОВѢСТЬ.

(Окончаніе).

На другой день Алеша проснулся рано, еще въ седьмомъ часу. Ольга Ивановна еще спала, но няня Наташа уже убирала тихонько комнаты; было яркое, солнечное, прекрасное утро. Щебетали птицы, въ саду было душисто отъ массы цвѣтовъ и на листьяхъ сверкала еще не обсохшая роса. Алеша обошелъ всѣ три комнатки домика и онѣ ему очень понравились.

„Совсѣмъ, какъ у насъ въ Крыму“... подумалъ онъ.

Маленькое, скромное и уютное было болѣе близко его сердцу, чѣмъ все громадное и бившее въ глаза. Воспитанный просто, въ глубокомъ уваженіи къ красотѣ и природѣ, онъ любилъ все простое и красивое и потому заглядывался на картинки съ швейцарскими домиками, около которыхъ паслись коровы или козы, съ колокольчиками на шеяхъ, и съ чувствомъ какой-то странной, безпричинной радости смотрѣлъ на попадавшіеся по пути, изъ Крыма сюда, мало-россійскія хатки, тихія рѣчки и

вишневые сады. И теперь, когда онъ выбѣжалъ въ садъ и увидалъ вокругъ себя массу цвѣтовъ, подсолнечники и ульи, надъ которыми съ жужжаньемъ рѣяли пчелы, то ему показалось здѣсь такъ хорошо, какъ нигдѣ. Все кругомъ заросло, было пышно-зелено, о расчищенныхъ дорожкахъ не было и помину, громадныя липы повисли надъ кустами и образовывали цѣлые своды тѣни, и кругомъ блестяли, синѣли, краснѣли и выдѣлялись бѣлыми яркими пятнами цвѣты. Извилистая дорожка тонкой змѣйкой убѣгала сквозь кусты сирени къ заросшей камышами рѣкѣ. Алеша пошелъ по ней и роса стала падать ему на лицо и плечи. Вотъ и плотикъ. Къ нему привязана лодка. Изъ воды высунула морду громадная лягушка и смотритъ на Алешу громадными пучеглазыми глазами. Онъ бросилъ камень въ воду и видѣлъ, какъ она внизъ головой нырнула ко дну и какъ, испугавшись ея, маленькія рыбки цѣлымъ стадомъ

подались всѣ влѣво и скрылись.

„Вотъ-бы здѣсь пожить!“ подумалъ Алеша.

Онъ умылся прямо изъ рѣки и, не утираясь, пошелъ дальше. Вотъ еще избушка. Вчерашняя желтая собака подходит къ Алешѣ и виляетъ ему хвостомъ. Изъ избушки выходитъ мужичекъ, кланяется ему, а затѣмъ выводитъ изъ стойла лошадку и ведетъ ее поить.

— Это чья лошадь? спрашиваетъ его Алёша.

— Ваша... отвѣчаетъ мужичекъ.

Вотъ появляется утка съ желтенькими, пушистыми утятками, вотъ квочка съ цыплятами, вотъ глупый индюкъ надулся и растопырился такъ, будто желаетъ показать, что онъ здѣсь самая важная персона, а вотъ маленькій жеребеночекъ. Онъ выбѣжалъ изъ конюшни и въ недоумѣніи оглядывается по сторонамъ, разыскивая свою мать, которую увели на водопой.

— Какой хорошенькій! радостно восклицаетъ Алёша.

Онъ проходитъ по хутору еще и еще, и такъ ему здѣсь все нравится своей наивной простотой, что ему начинаетъ казаться, будто онъ здѣсь родился и живетъ уже давно—давно, съ тѣхъ поръ какъ помнить себя.

Радостный, свѣжій, съ высохшимъ уже послѣ умыванья лицомъ, Алеша возвращается въ домикъ.

Мама еще спитъ. Онъ проходитъ мимо нея на ципочкахъ и просовываетъ голову въ кухню. Ему хочется ѣсть.

— Ахъ, ты мой милый! радостно вскрикиваетъ няня Наташа.— Ты уже всталъ?

И она его обхватываетъ, прижимаетъ къ себѣ и начинаетъ его цѣловать. Затѣмъ она приноситъ ему стаканъ густыхъ сливокъ, даетъ ему кусокъ хлѣба, а сама отходить въ сторону и съ умилениемъ глядитъ, какъ онъ ѣсть.

— Кушай, мой батюшка! говоритъ она.— Кушай, голубчикъ! И что это за бѣда свалилась на нашу головушку? И зачѣмъ это тебѣ графство на плечики свалилось? Жили-бы себѣ, да жили!.. Такъ вотъ нѣтъ! Всѣ глаза себѣ проплакала на маму-то твою глядя, какъ она, бѣдная, по тебѣ сучаетъ!..

Алёша допилъ сливки и вышелъ въ гостинную. Здѣсь на столѣ, со вчерашняго еще вечера, когда мама писала графу письмо, такъ и остались лежать бумага и конверты. Алеша поглядѣлъ на нихъ, подумалъ и усѣлся за столъ.

— Напишу Ванюшкѣ письмо! рѣшилъ онъ.

Онъ обмакнулъ перо въ чернила и, двигая губами и бровями, сталъ выводить буквы.

„Милый Ваня! писалъ онъ.—Я сейчасъ у мамы. Здѣсь очень хорошо и мнѣ нравится, а у дѣдушки

мнѣ не нравится. Въ твой платокъ я еще не сморкался, а у дѣдушки болятъ ноги. У дѣдушки живетъ докторъ, а у него есть дѣти, съ которыми очень весело. Но меня играть съ ними не пускаютъ, потому что гувернантка злая и носъ у нея острый и длинный, какъ у утки. Милый Ваня, никогда не будь графомъ, я тебѣ это не совѣтую. Я тоже не хочу быть графомъ, потому что мнѣ это уже надоѣло. Я убѣждалъ къ мамѣ. А мой дѣдушка никогда не выходитъ изъ дома и все сидитъ у себя въ кабинетѣ, точно Айвазъ у себя въ лавкѣ. Мнѣ его очень жаль. Когда я выросту большой, то возьму тебя къ себѣ, а Айвазу пришлю много денегъ. Остаюсь твой другъ Алеша“.

Онъ старательно свернулъ это письмо, вложилъ его въ конвертъ и запечаталъ. Потомъ онъ долго смотрѣлъ на потолокъ, стараясь припомнить адресъ, и еще старательнѣе написалъ его на конвертѣ.

— Няня, сказалъ онъ, — вотъ письмо къ Ванюшкѣ!.. Пошли его.

— Хорошо, миленькій, пошлю, пошлю!.. отвѣтила няня и быстро спрятала письмо къ себѣ въ карманъ. — И уродится-же такое дитѣ! Ахъ, Боже мой, Боже мой, и что это такое съ нами приключилось! И нужно-же было свалиться на насъ этому графству!..

Проснулась мама, стала пить кофе, Алеша тоже усѣлся за столъ,

няня Наташа сѣла съ чулкомъ поодаль — и началась прежняя жизнь. Мать и сынъ не могли наговориться другъ съ другомъ и то время, которое они прожили врозь, стало казаться имъ далекимъ, неприятнымъ сномъ. Затѣмъ Ольга Ивановна взяла Алешу за руку и вышла съ нимъ въ садъ. Она была счастлива, что сынъ опять былъ при ней. Какъ малое дитя, она бѣгала съ нимъ по травѣ, радовалась его радостями и жила его дѣтской, безхитростной жизнью. Они ѣли вишни прямо съ дерева, катались на лодкѣ, смотрѣли, какъ Ефимъ осматривалъ улы, и ѣли свѣжій медъ — и эта жизнь вдвоемъ, вдали отъ всѣхъ, казалась имъ раемъ и они боялись, какъ-бы ктонибудь не нарушилъ ее и какъ-бы чего-нибудь не случилось. Глядя на нихъ, няня то улыбалась, а то вдругъ сразу дѣлала серьезное лицо и набожно крестилась.

— Слава Богу! говорила она. — Кажется, онъ у насъ останется совсѣмъ!

И вдругъ послышался лай рыжей собаки. Застучали копыта, засверкалъ сквозь рѣшетку ограды блестящей отдѣлкой экипажъ и остановился у крыльца. Изъ него вышла мадмуазель Жюстинъ и съ строгимъ, величественнымъ видомъ вступила въ домикъ. Алеша испугался, и ухватился за мать. У Ольги Ивановны тоже дрогнуло что-то подъ сердцемъ.

— Алексисъ, строго обратилась гувернантка къ мальчику.—Вашъ дѣдушка требуетъ васъ къ себѣ. Извольте сѣсть въ экипажъ сейчасъ-же и ѣхать со мною къ нему!

Ольга Ивановна посмотрѣла на ея сухое лицо и маленькіе недобрые глаза, и ей стало жаль своего Алешу.

— Я привезу его сама... робко сказала она.

Гувернантка посмотрѣла на нее свысока. Ей уже было извѣстно, что графъ не любилъ Ольгу Ивановну и не желалъ съ нею встрѣчаться.

— Я должна въ точности исполнить приказаніе графа! сказала она.

— Повторяю вамъ, продолжала Ольга Ивановна, что я сама привезу его къ вамъ черезъ часъ. Я хочу, что-бы онъ позавтракалъ со мною. Вотъ уже два мѣсяца, какъ онъ ни разу со мною не оставался наединѣ.

— Я должна въ точности исполнить приказаніе графа! повторила гувернантка, говоря такимъ высокимъ тономъ, что это возмутило Ольгу Ивановну.

Она вспылила.

— Я совершенно не понимаю вашей настойчивости, мадмуазель, сказала она.—Вѣдь я—его родная мать!

— Я должна въ точности исполнить приказаніе графа! въ третій разъ сказала мадмуазель Жюстинъ.

Алеша ухватился за мать.

— Я не поѣду, не поѣду! закричалъ онъ.—Я не хочу туда, я не желаю быть графомъ!

И онъ громко разрыдался. Ольгѣ Ивановнѣ стало его жаль и материнское чувство взяло надъ нею верхъ. У нея уже давно накипѣло на сердцѣ противъ гувернантки.

— Да кто вы такая, сударыня, воскликнула она,—что получили право встать между мной и моимъ сыномъ? Кто вамъ далъ это право? На какомъ основаніи вы отнимаете отъ меня ребенка? Здѣсь я у себя дома и мой сынъ здѣсь при мнѣ!

Но она тотчасъ-же спохватилась, ей стало стыдно своей горячности и она овладѣла собой и уже спокойно продолжала:—

— Просите меня, мадмуазель... Я увлеклась немного... Но вы должны понять мое материнское чувство... Конечно, вы должны исполнить свой долгъ! Берите его и везите къ графу! Я не буду вамъ препятствовать.

Она взяла Алешу за плечо и подвела его къ гувернанткѣ. Мадмуазель Жюстинъ, повидимому, не ожидала такой внезапной переменны, и тоже смягчилась.—

— Но вѣдь мнѣ приказалъ самъ графъ... сказала она.—Я не по своей волѣ!..

Затѣмъ всѣ вышли на крыльцо. Няня Наташа съ большими испу-

ганными глазами провожала Алешу. Онъ и гувернантка сѣли въ экипажъ, кучеръ тряхнулъ возжами и лошадь помчалась.

— Не хочу! всю дорогу плакалъ Алеша. — Пустите меня къ мамѣ!.. Я не поѣду къ вамъ!

А Ольга Ивановна вернулась къ себѣ въ спальню, бросилась лицомъ на подушку и горько зарыдала.

Пріѣхали. По выраженію лицъ прислуги Алеша тотчасъ-же понялъ, что его вчера хватились, искали и пока не пришло письмо отъ Ольги Ивановны, очень безпокоились. Всѣ сильно боялись графа. Вышелъ Григорій и съ ободряющей улыбкой сказалъ:—

— Пожалуйста, ваше сіятельство! Графъ зовутъ васъ къ себѣ.

Алеша одинъ вступилъ къ графу въ кабинетъ. Онъ ожидалъ, что старикъ сейчасъ закричитъ на него, затопаетъ на него ногами, но графъ подозвалъ его къ себѣ и ласково спросилъ:—

— Ты убѣждалъ отъ меня... Развѣ тебѣ у меня не хорошо? Я всю ночь безпокоился о тебѣ и не спалъ...

Алеша опустилъ глаза. Горло у него сдавилось, онъ хотѣлъ отвѣчать и не смогъ. Онъ взвизгнулъ, разрыдался и только и могъ повторять одну и ту-же фразу:—

— Не хочу быть графомъ! Не хочу быть графомъ!..

Дѣдушка удивился. За всю

свою долгую жизнь онъ еще ни разу не слышалъ, и не могъ допустить, чтобы кто-нибудь не хотѣлъ быть графомъ.

— Что съ тобой? сказалъ онъ.— Успокойся!.. Отчего ты не хочешь быть графомъ?

Алеша рыдалъ такъ, какъ можетъ только плакать изстрадавшееся дѣтское сердце. Плечи его вздрагивали, слезы градомъ текли у него по щекамъ.

— Я не могу безъ мамы!.. всхлипывалъ онъ.— Мнѣ жаль маму. Безъ мамы я умру! Мамочка, мамочка! Милая, бѣдная мама!

Горе мальчика было такъ безутѣшно, что графу стало жаль мальчугана.

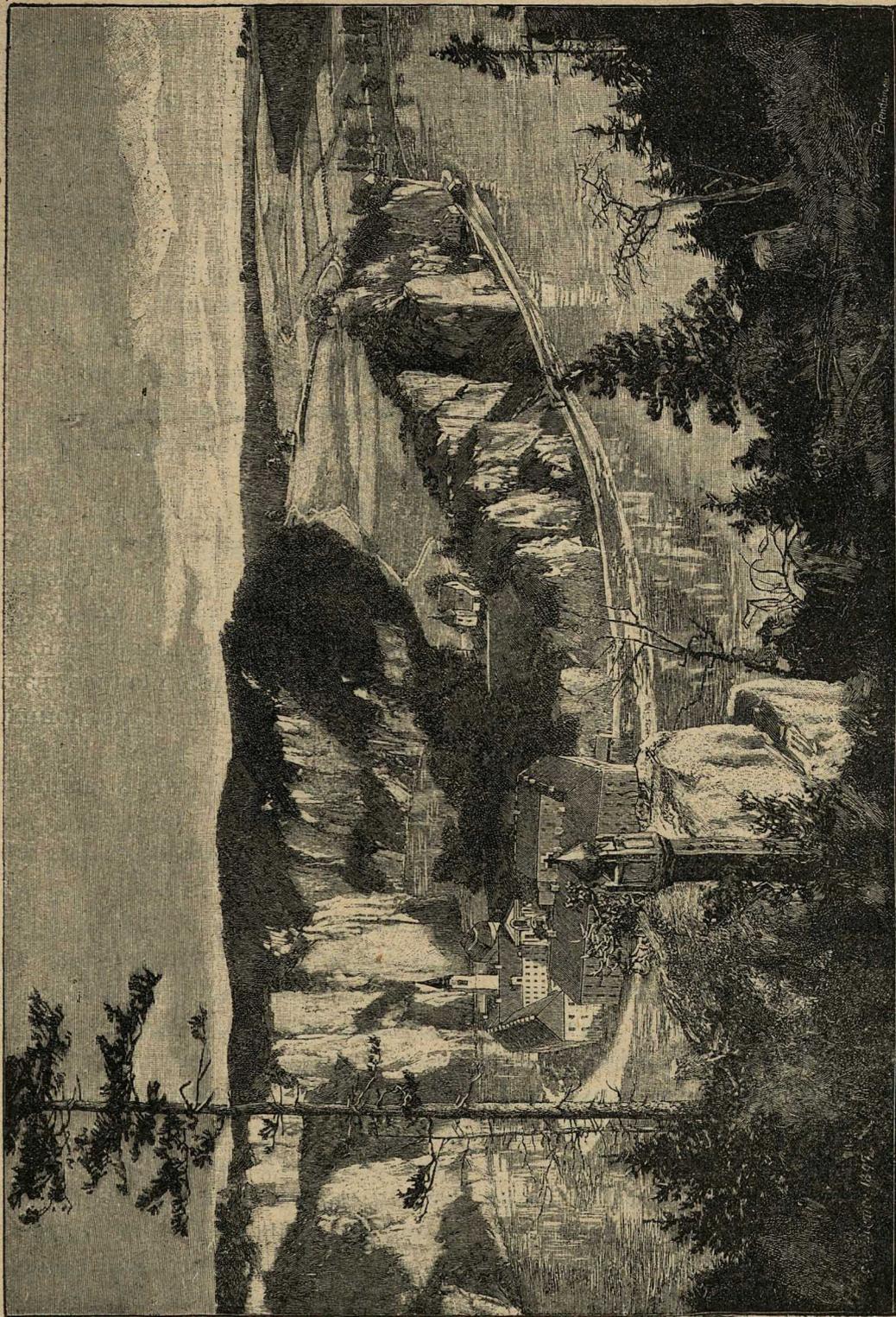
— Успокойся, сказалъ онъ,— не плачь!.. Все обойдется! Привыкнешь!..

Но Алеша вдругъ вспомнилъ тѣ слова, которыя мать только полчаса тому назадъ сказала гувернанткѣ, выпрямился во весь свой ростъ и глаза его заблестали гордымъ, благороднымъ гнѣвомъ.

— Вы не можете разлучать меня съ мамой! быстро заговорилъ онъ.— Вамъ никто не давалъ на это права! Я не желаю быть графомъ и убѣгу отъ васъ, если со мною вмѣстѣ не будетъ жить мама. Мы жили одни въ Крыму и ничего у васъ не просили. Зачѣмъ-же вы заставляете меня быть графомъ и разлучаете меня съ мамой?

Тихій вечерь.

На верховьях Дуная.

И, какъ и его мать, онъ тотчасъ-же спохватился, застыдился своихъ словъ и, бросившись къ дѣдушкѣ, обнялъ его за шею.

— Дѣдушка, миленькій, голубчикъ, золотой, заговорилъ онъ, — будьте такъ добры, пожалѣйте меня и маму, возьмите отъ насъ ваше графство обратно! Намъ оно вовсе не нужно. Мы поѣдемъ опять къ себѣ въ Крымъ!

И не давая старику отвѣтить, онъ сталъ лихорадочно покрывать его сухощавое лицо поцѣлуями. Его слезы падали старику на щеку, маленькія ручки крѣпко сжимали графу шею, пылкое сердечко билось тотчасъ-же около его старческой груди. Вотъ уже пятьдесятъ лѣтъ, какъ графа никто такъ не ласкалъ, за всѣ эти полвѣка никто такъ его не обнималъ и такъ искренно не плакалъ на его груди. Что-то сладкое, давно уже позабытое, шевельнулось вдругъ въ груди у старика. Онъ понялъ по этимъ слезамъ, что мальчикъ правъ, что разлука съ матерью не можетъ быть куплена ни за какія деньги въ мірѣ и ни за какіе титулы, и что передъ этими чистыми невинными слезами должны померкнуть всѣ личные счеты старика съ матерью Алеши. И полный новаго, охватившаго его чувства, графъ въ свою очередь обнялъ мальчика и прижалъ его къ себѣ.

— Ну, успокойся, сказалъ онъ, —

не плачь. Все обойдется! Ты у меня хорошій, и я тебя люблю...

Онъ сказалъ эти послѣднія слова, кажется, въ первый разъ въ жизни и почувствовалъ, что у него самого какъ-то сразу вдругъ растаяло сердце и что между нимъ, старикомъ, и этимъ маленькимъ Алешей установилась сразу какая-то крѣпкая, непобѣдимая связь, которая не порвется уже болѣе никогда. А Алеша все еще продолжалъ всхлипывать и повторять:—

— Дѣдушка, миленькій, золотой, серебрянный... Не разлучайте меня съ мамой!.. Я безъ нея не могу... Я все равно убѣгу.

Дѣдушка всталъ, выпрямился и, точно на что-то рѣшившись, взялся за колокольчикъ и позвонилъ. Явился Григорій.

— Прикажи заложить экипажъ! сказалъ графъ.

А затѣмъ онъ сѣлъ къ столу и написалъ слѣдующее:—

„Многоуважаемая Ольга Ивановна. Я прошу у Васъ извиненія, что, не зная Васъ, разлучилъ Васъ съ сыномъ. Но по Вашему сыну я могу судить и о Васъ и научился Васъ уважать, потому что воспитать такого мальчика, какъ Алеша, могла только любящая, безкорыстная мать. Если Вы можете простить меня, то я прошу Васъ переселиться въ мой домъ, который отнынѣ будетъ и Вашимъ, чтобы Вы могли жить вмѣстѣ съ

Алешей и чтобы я каждый день могъ видѣть его около себя. Я полюбилъ Алешу всѣмъ сердцемъ и разстаться съ нимъ для меня было-бы тяжело. Посылаю за Вами экипажъ и прошу Васъ пріѣхать немедленно. Графъ Корницкій“.

Онъ запечаталъ это письмо и передалъ его Григорію.

— Отправить въ Софонтьевку какъ можно скорѣй! приказалъ онъ.

— Слушаю, ваше сіятельство! отвѣтилъ Григорій и вышелъ изъ кабинета.

А Алеша все еще продолжалъ горько плакать и вздрагивалъ плечами. Графъ подошелъ къ нему и сталъ его утѣшать.

— Не плачь, мой милый! сказалъ онъ— Не надо! Всѣ уладится, все будетъ хорошо!..

И въ первый разъ во всѣ эти годы на глазахъ у графа появились слезы.

Вошла гувернантка, взяла Алешу за руку и повела его въ дѣтскую.

— Осторожнѣе съ нимъ! приказалъ графъ.— Будьте съ нимъ ласковы! Онъ очень взволнованъ.

И когда они вышли, то онъ отошелъ къ окошку и чуть слышно произнесъ:—

— Какъ я виноватъ передъ этимъ мальчикомъ! Ахъ, какъ я виноватъ!.. Я разлучилъ его съ матерью, а теперь самъ-бы не перенесъ съ нимъ такой-же разлуки!..

И что-то странное произошло

вдругъ со старикомъ. По рѣшительному тону Алешы, заявившаго, что онъ не желаетъ быть графомъ, онъ понялъ, что могъ-бы лишиться его навсегда. А между тѣмъ онъ уже полюбилъ его со всѣмъ пыломъ дѣдовской души и передъ этой возможной потерей внука для него вдругъ какъ-то сразу померкли и его богатство, и его графскій титулъ, которымъ онъ такъ дорожилъ. Передъ опасностью лишиться любимаго человека вдругъ какъ-то сразу потеряло значеніе и смыслъ то, что казалось до сихъ поръ такимъ важнымъ и значительнымъ. И помимо охватившаго его новаго, радостнаго чувства любви къ внуку и примиренія съ невѣсткой, онъ вдругъ улыбнулся и будущая жизнь показалась ему вдругъ прекрасной, интересной, полной значенія и какихъ-то сладкихъ, неиспытанныхъ еще радостей души. И старый, гордый графъ отошелъ отъ окошка къ камину, оперся о него и еще долго стоялъ съ блаженной улыбкой, глядя въ пространство и не видя передъ собой ничего, кромѣ рисовавшейся передъ нимъ его будущей, открывавшейся впереди, жизни.

А въ это время, наплакавшись досыта, Алеша лежалъ на своей кровати и сладко спалъ. Около него стояла мадмуазель Жюстинъ и съ серьезнымъ видомъ говорила горничной:—

— Это нѣжное, благовоспитанное дитя!.. Съ нимъ надо обращаться какъ можно ласковѣе и осторожнѣе! Вы посмотрите, Фрося, какъ онъ красиво спитъ!.. Точно настоящій ангелъ! Прелестный мальчикъ!

Часъ спустя, Алеша услышалъ сквозь сонъ около себя чьи-то голоса и открылъ глаза. Около него къ его удивленію, стояли его мать и графъ. Замѣтивъ, что онъ проснулся, графъ съ ласковой улыбкой посмотрѣлъ на Ольгу Ивановну.

— Мамочка! мама! радостно воскликнулъ Алеша и прямо съ кровати бросился къ ней на шею.

Она въ свою очередь обняла его и стала горячо цѣловать.

— Ты пріѣхала, мамочка, за мной? продолжалъ онъ.—Ты возьмешь меня сейчасъ къ себѣ? Не бойся, говори прямо. Я уже сказалъ дѣдушкѣ, что не желаю быть графомъ и хочу къ тебѣ. Я ни за что на свѣтѣ не останусь безъ тебя!

Она улыбнулась, поглядѣла на графа и затѣмъ снова стала ласкать своего сына.

— Успокойся, мой милый, сказала она.—Я теперь все время буду здѣсь съ тобой... Я переѣхала сюда совсѣмъ!..

— И няня Наташа? обрадовался Алеша.

— И няня Наташа, отвѣтила Ольга Ивановна.

Мальчикъ вскочилъ, запрыгалъ

отъ радости на одномъ мѣстѣ и захопалъ въ ладоши. А потомъ, не будучи въ состояніи сдержать себя, онъ со всего размаха бросился къ дѣду на шею, такъ что чуть не свалилъ его съ ногъ, и сталъ его обнимать.

— Дѣдушка, миленькій, золотой, серебрянный! кричалъ онъ,—какъ я радъ, какъ я радъ!

Дѣдушка держалъ его на рукахъ и ему казалось это страннымъ и хотѣлось посмотрѣть на себя въ зеркало, чтобы убѣдиться, что это не сонъ и дѣйствительно было такъ. Ахъ, какъ ему захотѣлось вдругъ, чтобы тутъ сейчасъ-же, немедленно, сію минуту, былъ художникъ или фотографъ, который написалъ-бы его портретъ именно съ этимъ нѣжнымъ мальчикомъ на рукахъ, обнявшимъ его сухую, морщинистую шею и полюбившимъ его не за титулъ и богатство, а просто какъ дѣдушку и человѣка.

Въ это время къ окошку подошли докторскія дѣти и робко закричали:

— Алеша, выходи къ намъ. Мы тебя ждемъ! Иди съ нами гулять!

Алеша, услышалъ ихъ, встрепенулся и глаза его радостно заблистали.

— Можно? спросилъ онъ и уже заранѣе ожидалъ отвѣта „нѣтъ“.

— Конечно, можно! отвѣтилъ старый графъ.—Для такого мальчика, какъ ты, возможно все.

Онъ опять взвизгнулъ и со всѣхъ ногъ бросился бѣжать къ дѣтямъ. Приѣхала затѣмъ Софи съ Луизой Карловной и тоже присоединилась къ нимъ. И еще долго по всему парку раздавались ихъ радостные веселые голоса. А Ольга Ивановна все время сидѣла съ старымъ графомъ и вела съ нимъ разговоръ. Ледъ ихъ отношеній растаялъ и вмѣстѣ съ нимъ оттаяло и сердце графа.

Въ девять часовъ вечера всѣ вмѣстѣ ужинали, а затѣмъ разошлись спать. Ольгѣ Ивановнѣ показалось на новомъ мѣстѣ какъ-то хмуро и неуютно, она плохо спала всю ночь, и когда наступило утро, то она отправилась съ Алешей къ графу въ кабинетъ и стала просить его разрѣшить ей съ сыномъ жить опять въ маленькомъ хуторкѣ Софонтьевкѣ.

— А какъ-же этотъ домъ? испугался графъ. Какъ я останусь здѣсь одинъ?

Но въ эту минуту къ нему подскочилъ Алеша и со свойственнымъ ему жаромъ и искренностью заговорилъ:

— Знаешь, что, дѣдушка? сказалъ онъ. Поѣдемъ туда съ нами! Это будетъ такъ интересно! А то ты живешь здѣсь въ своемъ кабинетѣ безвыходно, точно Айвазъ въ своей лавкѣ! Мы будемъ въ Софонтьевкѣ гулять по саду, кататься въ лодкѣ, кормить куръ и жеребенка... Поѣдемъ? А?

Глаза его сверкали отъ удовольствія. Дѣдушка посмотрѣлъ на него, улыбнулся и ничего не отвѣтилъ.

Въ тотъ-же день вечеромъ Ольга Ивановна, Алеша и Наталья Ивановна переѣхали на постоянное жительство въ хуторъ Софонтьевку. Мадмуазель Жюстинъ было отказано отъ мѣста и она, недовольная, уѣхала обратно въ Петербургъ. А недѣлю спустя въ хуторъ явились плотники, каменщики и столяры. Въ какой-нибудь мѣсяцъ они выстроили красивенькій маленькій флигелекъ, въ которомъ поселился со своимъ старымъ слугой Григоріемъ самъ графъ. Каждое утро онъ выходилъ въ халатѣ на дворъ, кормилъ куръ и гусей, игралъ съ Алешей, обѣдалъ затѣмъ съ нимъ и съ его мамой тѣмъ, что стряпала няня — Наташа, и лучшей жизни не могъ себѣ представить. А однажды вечеромъ двигая губами и бровями, Алеша писалъ къ чистильщику — Ванькѣ письмо:

„Милый Ваня. Вотъ ужъ второй мѣсяцъ, какъ дѣдушка живетъ вмѣстѣ съ нами на хуторѣ. Онъ меня очень любитъ, часто сажаетъ къ себѣ на колѣни и рассказываетъ мнѣ разныя исторіи. Мнѣ съ нимъ очень весело. Къ намъ очень часто приходятъ въ гости дѣти доктора, о которыхъ я уже тебѣ писалъ, и приѣзжаетъ моя двоюродная сестра Софи и мы

очень весело играемъ. Дѣдушка принимаетъ участіе въ нашихъ играхъ и часто очень насъ смѣшитъ и смѣется самъ. А знаешь новость? Всю свою большую, старую усадьбу, дѣдушка пожертвовалъ подѣ больницу и пріютъ. Онъ говоритъ, что счастье не въ титулѣ и не въ богатствѣ, а въ томъ, чтобы всѣ любили другъ друга. Посылаю денегъ тебѣ и

Айвазу. Кланяйся ему и пиши мнѣ почаще. Въ твой красный платокъ я не сморкался еще ни разу.

Остаюсь твой другъ Алеша Корницкій“.

Онъ написалъ это письмо и, довольный, простился съ мамой и дѣдушкой и легъ спать.

Ночью ему снились Крымъ, Черное море, горы, Ванька и Айвазъ.

Cyclamen.

К о н е ц ъ.

ГОЛОВОЛОМКИ.

I.

Задуманное слово состоитъ изъ девяти буквъ: 1.2.3.4.5.6.7.8 и 9. Буквы 5.4.3.2 означаютъ большое количество избъ или хатъ съ церковью, 3.7.8.2—то, что есть только у человѣка, 3.7.5.7.8.9.—хищнаго пушнаго звѣря, 5.7.6.7.8.9—птицу, 2.3.4.6.7.6.9—мясо сѣвернаго животнаго, 1.3.7.6.7.1.9—мѣсто, гдѣ лечатъ болѣзни, 3.2.5.2.5.7.6.9—рыбу, 2.5.3.7.8.9—длинноухое животное, 5.2.5.6.9—хвойное дерево, 2.5.2.1.6—водяную траву.

Найти всѣ эти слова и задуманное слово, которое означаетъ экипажъ древнихъ временъ.

II.

Названіе какихъ цвѣтовъ, ово-

щей и плодовъ заключаются въ слѣдующихъ фразяхъ:

1) Яркая полоса латъ и щитовъ на войскахъ Святослава сверкала на солнцѣ.

2) Каша съѣдена, чашка пуста и уже вымыта.

3) Сквозь осоку и кусты кваканье лягушки раздается.

4) Хотѣла побѣдить насъ Турція, да не смогла.

5) Скоро Машка бѣгаетъ, такъ что Ванькѣ ее и не догнать.

6) Умоляя о пощадѣ, индѣецъ билъ себя въ перси, къ вискамъ прижималъ кулаки и лилъ горькія слезы.

7) Убѣжавшую лошадь поймали на лугу.

8) Нашъ домъ застрахованъ въ 5000 рублей.

III.

Шутка. Когда поезда ходят по бумагахъ?

IV.

Названіе какой птицы состоитъ изъ четырехъ десятковъ гласныхъ буквъ?

V.

Отъ каждой изъ нижеслѣдующихъ фразъ взять по одному слову и составить изъ этихъ словъ начало извѣстной басни Крылова.

1) Лодка плыла по рѣкѣ.

2) Улицамъ нашего города даны новыя названія.

3) Нѣтъ ни одного животнаго больше слона.

4) Дѣтей водили гулять въ Лѣтній садъ.

5) Ну, какъ тебѣ не стыдно!

6) Изъ моего окошка видно озимое поле.

7) На столѣ лежала книга.

8) За заказъ да за показъ деньги берутъ.

Рѣшеніе головоломки и ребуса № 17, помѣщенныхъ въ № 17 „Золотого Дѣтства“.

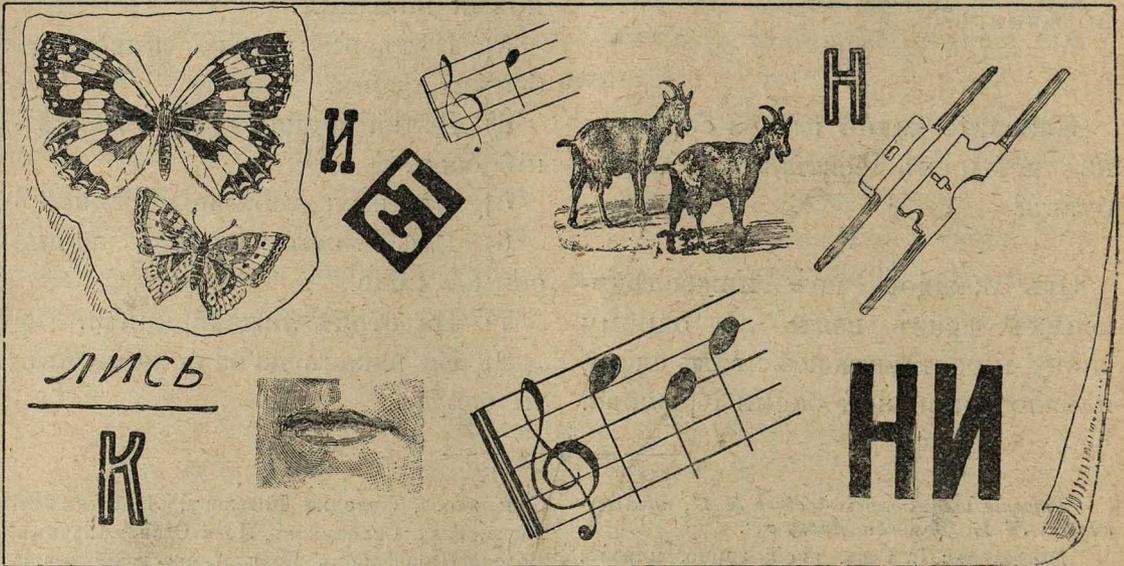
Головоломки: I. Роза, зной, зерно, морозъ, шрамъ. Задуманныя слова=Земной шаръ. II. По материн, по щекамъ. III. ...макъ, и+рисъ (присъ),... піонъ, мимо+за (мимоза),... Оле+Андр (олеандръ),... ро+за (роза)... рома+шка (ромашка). IV., Битай, лопата, барбарисъ=кипарисъ. V., Градь+усъ=Градусъ, 2), Волъ+осы=волосы.

Ребусъ № 17. Око+ло+ре+кипа+с+лось +г+ромъ+а+дно+е+стадо+лошадь+ей=Около реки паслось громадное стадо лошадей.

Вѣрные рѣшенія прислали: Ваня Никаноровъ, Петръ изъ Одессы, Павлилъ и Коля Степановы, Нюся Сухова, Ася и Оля Абасъ—Тумановы, Александръ и Дмитрій Карнаевы, Дода Сильновъ, Шурочка и Лидуся Сапунцовы, Коля Никоновъ, Юра и Женя Петро, Люба и Степа Горбенко, Маруся-Шурыга, Лара и Жоржикъ Кузнецовы, Павликъ Полль, Ева и Тania Файбишенко, Боря, Дуся и Галя Лапчинскіе, Вася, Оля и Андрюша Гуляевы, Вѣрочка, Виля и Лидочка Исиковы, Кирилль Ярморкинъ, Боря Соловьевъ, Коля и Нина Бѣлоруссовы, Карлуша Шибаевъ, Коля Шевченко, Лидія Генельтъ, Коля, Коля, Маркъ и Саша изъ дома Мѣщанинова, Сережа Гриненко, Толя Канюка, Тонечка

Сальникова, Левочка Ковалевъ, Любочка Михѣева, Толя Сальниковъ, Лева Оганджаньянцъ, Володя Никифоровъ, Боря Адикаевскій, Миша Дряхловъ, Коля Борисенко, Лева Трунинъ, Леликъ-Кроликъ Богушъ, Шура Александрова, Тania и Мама Илькевичъ, Петя, Шура и Коля Овсянниковы, Маруся Аннинская, Боря и Ляля Петропольскіе, Коля Алѣевъ, Шура Гармоновъ, Вася, Варя, Павликъ и Гога изъ Радкова, Анна Коганъ, Мстиславъ Пряхинъ, Анна Статъ, Нина Вронская, Сережа Гриненко, Маркъ, Рая и Евгения, Павликъ Жоржикъ и Лена Дубниціе, Нюра Наумова, Маня и Валя Соколовы, Екатерина Михайловская, Боря, Дуся и Галя Лапчинскіе, Тоня и Коля Баскаковы, Дуся Карсавина, Левъ, Евгенийъ и Юрій Бѣляевскіе, Нина Иваницкая, Варя и Коля Бобковы, Нина и Миша Мостепаненко, Юлій и Лиза Маріюшкины, Лева Иваскъ, Шура Кутасовъ, Боря и Вѣра Наумовы, Женя, Соня и Коля Крайко, Валя Петрова, Жоржикъ Ивановъ, Шура Рожкова, Вѣточка и Тамочка изъ Иркутска, Ляля и Юра Шейнъ, Ира и Вова Шеляховскіе, Ляля Кузнецова, Нина Живилова, Нина и Вяча Вановы, Тамара Смоленецъ, Вѣрочка и Фалерочка Андреевы, И. Б., Маруся Вержбицкая, Нюра Галченкова-Нагибина, Лида Дудина, Зина, Женя Рентель, Бобень и графъ Умильнъ, Саша Никифоровъ, Ната Сегель.

Ребусъ № 19.

(Фамилии подписчиковъ, вѣрно рѣшившихъ головоломки и ребусъ, будутъ напечатаны)

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Лучшій подарокъ для дѣтей:

«ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО» за истекшій годъ со всѣми приложениями въ красивомъ коленкоровомъ переплетѣ по 3 руб. 65 к. за экз.; безъ переплета — по три рубля за экз. За пересылку по разстоянію. (Въ Европейской Россіи и на Кавказѣ въ переплетѣ по 45 коп. за экземпляръ и безъ переплета по 65 к.).

**МОЖНО ВЫПИСЫВАТЬ ОТКРЫТЫМЪ ПИСЬМОМЪ
ИЗЪ РЕДАКЦІИ „ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“.**

С.-Петербургъ, Каменноостровскій просп., 26.

♦♦ Продается во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ С.-Петербурга.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ ДѢТЕЙ (7—12 лѣтъ).

„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

подъ редакціей М. П. Чехова.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ (24 номера въ годъ).

Подписной годъ съ 1 Ноября

Кромѣ художественно исполненныхъ иллюстрацій дѣти въ «Золотомъ Дѣтствѣ» найдутъ: повѣсти, рассказы, сказки, стихотворенія, путешествія, біографіи, статьи по естественной исторіи изъ жизни животныхъ, птицъ, насѣкомыхъ и растений, загадки, ребусы, шарады и проч. и проч.

ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЪ:

- 24** НОМЕРА журнала «Золотое Дѣтство», въ красивыхъ обложкахъ, отпечатанные на лучшей бумагѣ со множествомъ художественно-исполненныхъ рисунковъ.
- 12** ВЫРѢЗНЫХЪ ВЫКРОЕКЪ ДЛЯ ДѢТСКИХЪ КОСТЮМОВЪ. Каждая мать сможетъ сдѣлать по нимъ своего ребенка дома, безъ помощи портнихи.
- 24** ПРИЛОЖЕНІЯ ДЛЯ СКЛЕИВАНІЯ (игры, домики, научныя развлеченія и проч. и проч.).

ОСОВОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ:

Книга съ иллюстраціями:

„НАЙДЕНЫШЪ И ПОДКИДЫШЪ“.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой на годъ 3 р. 80 к.

Подписка принимается: для иногороднихъ подписчиковъ— въ Редакціи журнала «Золотое Дѣтство», С.-Петербургъ, Каменноостровскій проспектъ, 26, и для городскихъ подписчиковъ въ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ Петербурга.

3 р 80 к.

За перемѣну адреса 28 коп. почтовыми марками.

Редакторъ-Издатель М. П. ЧЕХОВЪ.

Редакція журнала „ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

рекомендуетъ слѣдующія книги

для дѣтей:

„ДРУЖОКЪ И ТОМКА“ Повѣсть съ иллюстраціями, цѣна 40 коп., съ пересылкой 55 коп.

„АНГЛІЙСКІЯ СКАЗКИ“ Съ иллюстраціями, цѣна съ пересылкой 65 коп.

Выписывать можно открытымъ письмомъ изъ Редакціи журнала „ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“.

С.-Петербургъ, Каменноостровскій пр., 26.